

Сапрыкин С. Ю.

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ГОРГИШПИИ

В 1906 г. в Эрмитаж поступила золотая пластинка со штампованным изображением божества на колеснице¹ (рис. 1). Она случайно была найдена во время земляных работ при постройке училища в гор. Анапе, затем ее приобрел Н. И. Веселовский и передал в Эрмитаж. Если не считать кратко его описания в «Отчете Археологической комиссии за 1906 г.» и еще более лаконичной аннотации в каталоге «Художественное ремесло эпохи Римской империи» (I в. до н. э.—IV в. н. э.) (Каталог выставки. Л., 1970, № 140, рис. 140), пластинка эта не привлекла к себе широкого внимания исследователей. Между тем детали и особенности изображения, а также ближайшие аналогии и памятники позволяют всесторонне и тщательно проанализировать сюжет изображения и, как представляется, с большим основанием, чем это было до сих пор, ставить вопрос о персонификации и значении всего изображения.

Золотая четырехугольная пластинка, которая, по всей видимости, служила украшением жреческого венка или покрывала, использовавшегося во время религиозных церемоний, с четырех сторон украшена ободком из точек. По форме она стоит в одном ряду с золотыми пластинами их погребений Куль-Оба, Большая Близница, курганного некрополя Нимфея и других мест Северного Причерноморья², Фракии³, Македонии и т. д. Работа, несомненно, местная. В центре пластины рельефное изображение солнечного бога на колеснице, запряженной четверкой коней. Изображение построено по типу «сегнерова колеса» — четырехконной упряжки, в которой сохранены наиболее важные части: головы и передние ноги коней, нижняя часть колесницы. Этим приемом достигалась иллюзия движения квадриги. Головы и шеи коней оттиснуты очень тщательно, так что заметна грива каждой лошади. Четко обозначены копыта и согнутые передние ноги скачущих в галопе коней. Фигура бога, стоящего на колеснице, помещена между конями, причем голова, руки и верхняя часть туловища чеканены тщательно, а ноги выполнены небрежно, что приводит к схематизму и упрощению изображения. Божество представлено стоящим фронтально, с широко расставленными ногами, при этом левая нога чуть отставлена в сторону и согнута в колене, а левая рука упирается в бок. В правой руке, поднятой над головой, зажат продолговатый предмет наподобие плети. Фигура задрапирована в плащ, развевающийся за

¹ ОАК за 1906 г. 1909, с. 127, рис. 179.

² Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, рис. 96, 252, 253; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. IX, 1—2; Gaidukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1974, Taf. 83, h; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 197.

³ Fol A., Marazov J. Thrace and the Thracians. L., 1977, p. 109.

спиной, а на голове, окаймленной спадающими на плечи длинными прядями волос, помещен лучезарный венец солнечного бога.

От всей колесницы изображена только нижняя половина: два колеса и часть корпуса повозки, украшенного снизу резьбой. Композиция дана фронтально, поэтому колеса и корпус повозки находятся на одной линии, фигура бога оказывается как бы на переднем плане, а остальные детали немного сзади. Это подчеркивает значимость и религиозный характер изображения. Прямо над головой бога солярные символы — шестилучевая звезда (Солнце) и полумесяц, расположенные на одной линии с фигурой; аналогичные шестилучевые звезды вставлены в качестве ступиц в колеса. Таким образом, описанные детали изображения не оставляют ни малейшего сомнения в том, что это солярное божество. Поэтому уже Н. И. Веселовский определил бога на пластинке как Гелиоса, а О. Я. Неверов в упомянутом выше каталоге выставки художественных изделий из Эрмитажа — как Гелиоса-Нерона ⁴.

Последняя идентификация подразумевает изготовление пластины не ранее середины I в. н. э. Однако некоторые данные позволяют не согласиться с такой датировкой. Солнечное божество и солярные символы на пластине удивительно совпадают с медными монетами Боснора, имеющими на лицевой стороне изображение головы Гелиоса в лучезарном венце, а на обороте одна — шестилучевую, а другая — восьмилучевую звезду, полумесяц и монограммы соответственно ВАЕ и ВАМ (рис. 2). Монета с последней монограммой и шестилучевой звездой на обороте в типологическом отношении наиболее близка анапской пластине ⁵. В нумизматической литературе со времени А. Л. Бертье-Делагарда было высказано мнение, что монеты с ВАЕ и ВАМ следует датировать самым концом I в. до н. э. — первым десятилетием I в. н. э. ⁶ Действительно, монеты с ВАМ одним из своих типов и номиналом: голова бородатого Ареса вправо —

трофей с оружием, справа = 6 ед. — вплотную примыкают к самой ран-

ней серии боспорской меди с монограммой ВАР, царской монограммой Аспурга. Это, по убедительному мнению Н. А. Фроловой, свидетельствует о том, что серии медных монет с монограммами ВАЕ, ВАМ, ВАР выпускались последовательно. Монеты с ВАЕ и ВАМ чеканились с 8 г. до н. э., года гибели царя Полемона I, и до 13 г. н. э., когда Аспург официально получил титул царя и начал ставить на монеты свою монограмму ВАР ⁷. Ввиду того что монеты с ВАЕ, ВАМ, ВАР в типологическом отношении взаимосвязаны, можно говорить о том, что медь с ВАЕ и ВАМ выпускалась Аспургом, не имевшим еще царского титула, а правившим в качестве архонта, как полагал уже В. В. Латышев и предполагал А. Л. Бертье-Делагард ⁸. Отсюда следует, что дата выпуска означенных монет с типом Гелиоса и полумесяца с Солнцем дает надежный *terminus post quem* для горгилийской пластины, которая могла быть, таким образом, изготовлена в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., во время правления Аспурга либо до получения царского титула, либо тотчас по получении им такового.

⁴ ОАК за 1906 г., с. 127; Художественное ремесло эпохи Римской империи, № 140.

⁵ *Giel Chr.* Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, S. 27, Taf. V, 10; Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951, с. 197, табл. XLIV, 20; XLIV, 4.

⁶ Бертье-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, XXIX, 1911, с. 157 сл.; Ростовцев М. И. Медь Динамии и Аспурга.— ИТУАК, № 54, 1918, с. 50 сл.; Фролова Н. А. О времени правления Динамии.— СА, 1978, № 2, с. 56 сл.; А. Н. Зограф (ук. соч., с. 194 — 198) согласен с этим лишь в отношении монет с ВАЕ, а серию с ВАМ приписывал Митридаду III (ср. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 603).

⁷ Бертье-Делагард. Ук. соч., с. 158; Фролова. Ук. соч., с. 55 сл.

⁸ Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства.— В кн.: ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 104; Бертье-Делагард. Ук. соч., с. 179.

А это исключает возможность усматривать в божестве на пластине образ Нерона-Гелиоса.

Изображение на пластине из Горгиппии можно сопоставить с находками из богатых сарматских погребений Таманского п-ова и прилегающих к нему районов. В Буеровой могиле (III—II вв. до н. э.) на Тамани были найдены остатки погребального венка из золотых лавровых листьев с круглой золотой бляшкой в центре (*προξενωπίδιον*), с тисненным сильно геометризovanым изображением Гелиоса на квадриге (МАР, № 37, 1918, с. 44). Близкий ему венок был обнаружен в 1870 г. также на Тамани. В середине его золотая пластинка с погрудным изображением Гелиоса в лучистом нимбе в фас, под которым передние части четырех коней (ОАК за 1875 г., с. 21, № 10, рис.). А в одном из курганов Юз-Оба под Керчью, относящихся к III в. до н. э., была найдена золотая пластинка — часть погребального венка, на которой среди составленного из мелких кружков ободка представлен Гелиос в лучевой короне, едущий на четырехконной колеснице прямо навстречу зрителю (ОАК за 1863 г., с. X; ОАК за 1875 г., № 64). Перечисленные пластинки близки анапской, но на них отсутствуют солярно-лунарные знаки. Весьма вероятно, что пластинка из Анапы также являлась центральной частью погребального или жреческого венка, фигурировавшего, может быть, в культе обожествленного царя, которого воспринимали в образе Солнца.

Из знаменитого клада, обнаруженного близ ст. Ахтайзовская, происходят золотые бляшки с лучистыми розетками, при этом на одной — восьмилучевая звезда (Солнце), а другая сработана в виде полумесяца. Среди вещей из Федуловского клада обнаружен серебряный фалар с изображением лика солнечного бога в обрамлении длинных волос и в лучистом нимбе между двух коней (бига) — композиция, повторяющаяся в общих чертах на нашей пластине (рис. 3)⁹. Аналогичные изображения солнечного бога встречаются на серебряных фаларах из богатого захоронения у ст. Старо-Титаровской, причем дореволюционные исследователи определяли их как воспроизведение «Аполлонова лика в сиянии»¹⁰. Вообще на множестве вещей из этих кладов и погребений, а также из аристократических сарматских захоронений Янчокракского, Северского, Курчанского и других курганов встречаются астральные и солярные символы в виде рельефного знака крутящегося солнечного колеса, всевозможных розеток, свастик, лучистых дисков и т. п., а также символических изображений коней и львов, связанных, как известно, с солнечной семантикой¹¹. Все это свидетельствует о том, что изображение солярных знаков и солнечного бога на колеснице на пластине из Анапы по своему семантическому значению уходит корнями в греко-сарматскую, точнее, иранскую почву, которая была питательной средой как для скифо-сакских, так и для меото-сарматских религиозных воззрений. Более того, перечисленные погребения и клады стоят в одном ряду с захоронениями так называемого сарматского «Золотого кладбища» (II—I вв. до н. э. — I в. н. э.), которое с большой долей вероятности связывается с аспургианами¹², племенами сарматского происхождения¹³. А это означает, что наша пластинка, как,

⁹ Спицын А. А. Фалары Южной России. — ИАК, 1909, вып. 29, с. 22 сл., рис. 14, 17, 45; Смирнов К. Ф. Северский курган. М., 1953, с. 22.

¹⁰ Карейша В. Д. — ЖМВД. СПб., 1846, ч. 16, с. 284 сл.; Спицын. Ук. соч., с. 23; Герц К. К. Археологическая топография Таманского п-ова. СПб., 1898, с. 21.

¹¹ Спицын. Ук. соч., с. 22 сл.; Гушина И. И. Янчокракский клад. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 43—50; Смирнов. Ук. соч., с. 22 сл. О культе коня у индоиранских народов см. Roes A. L'animal au signe Solaire. — RA, 1938, v. XII, p. 164; Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 28 сл.

¹² Ростовцев М. П. Скифия и Боспор. Прага, 1925, с. 573; Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове. — СА, 1973, № 4, с. 77 сл.

¹³ Об аспургианах см. Strabo, XI, 2, 11; Ptol., V, 19, 17. См. также Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 316; Латышев. Ук. соч., с. 103.

впрочем, и близкие ей монеты с типом Гелиоса и полумесяца с солнцем, генетически могут примыкать к памятникам, связанным с аспургианами. Последнее подтверждается следующим обстоятельством.

На царских и городских медных монетах времени Асандра, как впоследствии на монетах с ВАЕ и ВАМ времени Динамии и Аспурга, мы находим изображение шести- или восьмилучевой звезды (Солнца), которая, как мы убедились, широко известна у сарматов¹⁴. При раскопках поселения у пос. «За Родину» Темрюкского р-на была обнаружена укрепленная резиденция боспорского вельможи Хрисалиска, сторонника Асандра, который, по убедительному предположению Н. И. Сокольского, содействовал Асандру, а затем сыну его Аспургу в захвате власти. Асандр был этнархом, т. е. предводителем племени или группы племен, и при свержении Фарнака в 47 г. до н. э. опирался на население Таманского п-ова, среди которого немалую часть составляли аспургиане¹⁵. Хрисалиск и его окружение, жившие в крепости, как раз были аспургианами¹⁶. Из множества находок в «доме Хрисалиска» выделяются курильница в виде головы быка с рельефным изображением солнечного диска и полумесяца, а также плита с очень грубым схематичным изображением богини судьбы Тихи, в руках которой жезл, украшенный символом Солнца в виде восьмилучевой звезды¹⁷. Голова быка с солярными знаками и Солнце на скипетре у богини уходят своими корнями в ассиро-вавилонскую и индоиранскую религиозную символику¹⁸, особенно тесно соприкасаясь, как будет указано ниже, с божествами зороастрийского пантеона Ахура-Маздой, Митрой, Зарваном (богом огня), Анахитой (богиней плодородия, воды и луны). Все это типично для ираноязычных аспургиан, сарматов по происхождению, религиозные воззрения которых родственны иранским. Вот почему на монетах времени Асандра, Динамии и Аспурга, которые пользовались поддержкой местных племен, мы встречаем семантические изображения Луны и Солнца в стиле сарматского искусства и религиозных представлений. А это позволяет утверждать, что подобные же астрально-солярные символы на горгиппийской пластине ставят ее в один ряд с памятниками сарматского круга, а возможно, и аспургиан.

Изображения солнечного божества на движущейся по небу колеснице обычных для греков¹⁹, среди которых бог солнца Гелиос был одним из наиболее почитаемых. Однако шестилучевая звезда и полумесяц на анапской пластине выделяют ее из общей массы изображений Гелиоса на колеснице.

Восьмилучевая звезда встречается на монетах Пантикапея в последние десятилетия правления Спартокидов и при Митридате VI²⁰. На реверсе золотых и серебряных монет этого царя, чеканенных в Понте и предназначенных для обращения в малоазийских владениях, помещалась восьмилучевая звезда и полумесяц, которые служили династической эмблемой Ахеменидов (рис. 4,5). Митридат VI возводил свой род к этой династии,

¹⁴ Орещников А. В. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1887, с. 66, № 462—464; Зограф. Ук. соч., с. 190, табл. XLIV, 7, 13.

¹⁵ Luc., Macrob. 17; Strabo, XIII, 4, 3; Cass. Dio, XLII, 9, 46; App., Mithr. 120; Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре. — КСИА, 1975, вып. 43, с. 26—28, рис. 2, 4; рис. 4; он же. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, с. 107—112, рис. 56.

¹⁶ Сокольский. Таманский толос..., с. 107 сл.

¹⁷ Он же. Крепость аспургиан на Боспоре, рис. 2, 4; рис. 4, с. 26; аналогичная курильница найдена в Пантикапее: Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1979, с. 52, рис. 44.

¹⁸ Prinz H. Altorientalische Symbolik. В., 1915, S. 73, Taf. X, 1—3; XV; изображения борющихся быка и льва воспринимались на Переднем Востоке как мифологическое воплощение противоборства Луны и Солнца; ср. Leonhard P. Paphlagonia. В., 1915, S. 252; Desneux J. Sur quelques representations du «Lion à la Proie» en glyptique et en numismatique antique. Bruxelles, 1960, p. 7 suiv.

¹⁹ Farnell L. R. The Cults of the Greek States. V. V. Oxf., 1910, p. 450—453.

²⁰ Зограф. Ук. соч., с. 187, табл. XLIII, 18; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М., 1956, табл. VIII, 93.

Рис. 4—5. Монеты Митридата VI Евпатора. Тетрадрахмы. Серебро

поэтому подобная символика на его монетах не случайна ²¹. Преемники Митридата на боспорском престоле, стремясь подчеркнуть принадлежность к роду Евпатора и Ахеменидов, также приняли эту эмблему. Головной убор бюста Динамии украшен восьмилучевыми звездами, а на реверсе ее золотого статера (17/16 г. до н. э.) представлены звезда и полумесяц (рис. 6). В одном ряду с ним стоят упоминавшиеся выше медные монеты с типами Гелиоса, звезды и полумесяца с монограммами] ВАЕ и ВАМ. Исследователи убеждены, что такое изображение на боспорских монетах было династической эмблемой Ахеменидов ²². На памятниках глиптики времени Митридата VI и его преемников встречаются подобные же династические эмблемы: из некрополя Пантикапея происходит золотой перстень с гранатом, на котором полумесяц и солнце в виде восьмилучевой звезды; аналогичные сердоликовые печати обнаружены на горе Митридат в катакомбе в 1891 г. и при раскопках городища в 1945—1953 гг. ²³ В 1909 г. в земляной гробнице на Глинище был найден золотой двойной полый перстень с ахеменидской эмблемой Митридата ²⁴. Из коллекции

²¹ Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890, p. 289.

²² Орешников. Ук. соч., с. 68; Зограф. Ук. соч., с. 194; Кобылина. Ук. соч., с. 24.

²³ Неверов О. Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея.— СА, 1968, № 1, с. 237; Максимова М. И. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов.— МИА, № 103, 1962, с. 193, рис. 6.

²⁴ Неверов. Ук. соч., с. 237. Ср. перстни-печати из Колхиды с аналогичной символикой (Лордкипанидзе М. Н. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—1941 гг., 1946—1948 гг. Тбилиси, 1954, с. 72, табл. II, 15), которая отражает почтение здесь Митридата VI.

Рис. 1. Пластина из Горгишли с изображением солнечного бога. Золото

Рис. 2. Монеты Боспора конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.
Медь

Рис. 8. Фалар из Федуловского клада

ГИМ происходят перстни-печати с изображением полумесяца, шести- и восьмиконечных звезд²⁵. Как отмечают М. И. Максимова и О. Я. Неверов, в раннеимператорскую эпоху имя знаменитого понтийского царя и митридатовские традиции были очень популярны на Боспоре, что нашло отражение в памятниках искусства этого времени²⁶. Поскольку сюжет и детали изображения на пластине из Горгиппии перекликаются с изображениями династических эмблем на монетах Митридата VI, можно высказать предположение, что шестилучевая звезда и полумесяц, представленные на ней, также имеют означенную ахеменидскую символику.

Символические изображения Луны и Солнца проникали двумя основными путями на Юг России: через посредство сарматских и меотских племен, для которых Солнце и Луна имели, как мы видели, особое значение; через Малую Азию и Колхиду в правление Митридата VI Евпа-

Рис. 6. Золотой статер царицы Динамии. Боспор

тора и его преемников, для которых подобные изображения имели родовой характер, а их распространение объяснялось политическими мотивами. Но в обоих случаях родиной этих символов, их первоосновой были иранские религиозные представления и космогония, одинаково понятные сарматским племенам и варваризованным грекам, поддерживавшим наследников Митридата VI. Вот почему мы с полным правом имеем основание говорить, что звезда (Солнце) и полумесяц на анапской золотой пластине могли в равной мере восприниматься и как династическая ахеменидская эмблема, и как обычные болярные символы.

О почитании Солнца и Луны на Переднем Востоке вообще и древнем Иране в частности свидетельствуют письменные и археологические источники. Геродот (I, 131) указывает, что персы почитают солнце, луну, огонь, воду и ветры, а весь небесный свод называют Зевсом, т. е. Ахуро-Маздой (Ормуздом). Этому небесному владыке при Ксерксе посвящали колесницу, влекомую восемью белыми конями (Herod., VII, 40). Ахеменидские цари также приносили коней в жертву Зевсу-Гелиосу (Хен., Сутор. VIII, 3, 12). В основе древнеиранской космологии в соответствии с основами зороастрийской религии лежали Солнце, Луна и звезды²⁷. Ахуро-Мазда (Зевс-Ормузд) — бог добра, света и правды — был верховным богом иранской зороастрийской религии. Одними из основных и весьма древних божеств иранского пантеона были также бог солнца Митра и богиня Анахита, покровительница любви, красоты и природы. Почитание этих божеств объяснялось популярностью их культов среди широких народных масс²⁸. Символом Ахуро-Мазды был солнечный диск между распахнутых крыльев. На Бехистунской скале тиару

²⁵ Захаров А. И. Геммы Государственного Исторического музея. М., 1928, табл. V, 260, 261.

²⁶ Неверов. Ук. соч., с. 238; Максимова. Ук. соч., с. 193.

²⁷ Mole M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P., 1963, p. 402.

²⁸ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 326.

этого бога венчает шар со звездой, а зубчатая корона Дария украшена изображениями восьмиконечных звезд в поле круга наподобие часто встречающихся в персидском искусстве розетт, символов бога Солнца ²⁹. Как главное божество иранского пантеона Ахуро-Мазда выступал покровителем царской династии Ахеменидов. До реформы Зороастра Митра был верховным богом, поэтому впоследствии его культ оставался одним из центральных в официальной религии. Как отмечает Ж. Дюшен Гийемен, Ахемениды поклонялись Ахуро-Мазде как божеству, включавшему в себя и черты Митры ³⁰, так как их объединяло, вероятно, общее покровительство светлomu началу. Не случайно, согласно вышеприведенному свидетельству Ксенофонта, иранские цари жертвовали коней Ахуро-Мазде-Митре, синкретическому божеству, названному эллинским писателем именами близких ему богов ³¹.

В индоиранской мифологии большинство солнечных символов связано с Митрой, поэтому Солнце и Луна нередко сопутствуют его изображениям ³². Луна выступает также в качестве символа богини Анахиты ³³. Полагают, что астрально-солярные знаки на рельефах Митры могли быть результатом влияния культа бога огня Зрвана ³⁴, а также следствием воздействия халдейской астрологии на примитивные формы маздеизма. Ведь Митру отождествляли с солнечным богом древних вавилонян Шамашем ³⁵. На ассирио-вавилонских печатях мы находим Солнце и Луну в виде звезды и полумесяца, которые сопутствуют изображениям божеств, по преимуществу Шамашу ³⁶. Аналогичные знаки нанесены на ассирийский рельеф из Зенджирли (VII в. до н. э.) с фигурой Асархаддона, что можно рассматривать как попытку воплотить бессмертие обожествленного властителя. Такие же символы венчают плиту с надписью и рельефом, посвященную Шамашу (IX в. до н. э.), из Сиппара ³⁷. А на базальтовом рельефе из цитадели Халеба (IX—VIII вв. до н. э.) мы видим двух крылатых демонов, очевидно, покровителей дня и ночи, над фигурами которых изображены Луна и восьмиконечная звезда (Солнце), композиционно составляющие основу всего изображения. Это говорит как о древнем происхождении указанных символов, так и о том, что зороастрийская религия персов могла заимствовать их у народов древней Месопотамии.

Солярный бог Митра часто изображался на колеснице, запряженной четверкой коней. В авестийских и ведических текстах Солнце представлялось в виде четырехкопной колесницы, а колесо Солнца называлось глазом бога Митры-Варуны. У индоевропейских народов колесница выступала не только как символ солнца, но и как образ восходящей зари, плодородия, богатства, справедливости и могущества ³⁸. Причину того, почему

²⁹ Ghirshman R. Perses, proto-iraniens, mées, Achéménides. P., 1963, p. 235 suiv.

³⁰ Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. P., 1962, p. 174 suiv.

³¹ В древней Бактрии и у индо-сакских царей некоторые монеты II—I вв. до н. э. несут изображение Зевса с атрибутами Гелиоса, что свидетельствует о близости их культа в иранском мире (см. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 184).

³² Шугуров Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 107.

³³ Там же.

³⁴ Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. V. I. Bruxelles, 1899, p. 304; Wüst E. Mithras.— RE, B. 15, 2. Hbb., 1932, Sp. 2140.

³⁵ Wüst. Op. cit., Sp. 2134. О влиянии семитских религиозных представлений на народы Переднего Востока свидетельствует рельеф из Дафны (Египет), где запечатлен семитский солнечный бог (Шамаш?) в египетском храме, вокруг которого астрально-солярные символы, в том числе полумесяц и солнечный диск над ним (см. Müller M. Stele from Daphne, Cairo Museum. Egyptological Researches.— AJA, 60, 2, 1956, pl. 65, fig. 15, p. 169).

³⁶ Prinz. Op. cit., S. 73, Taf. X, 1—3; XV u. a.; Cagni L. Ancient Near-Eastern Seals in the Nayeri Collection.— East and West, N. S., v. 26, № 1—2, 1976, p. 71 f., fig. 5, 6, 9.

³⁷ Marqueron J.-C. Mesopotamie. Genève, 1965, fig. 58, 124.

³⁸ Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ, 1974, № 4, с. 84 сл.; она

Митру изображали в лучевой короне на колеснице в сопровождении символов Солнца и Луны, прекрасно вскрыл Ф. Кюмон. «Почитатели Митры, писал он, — чтити Солнце, которое каждый день совершало путь по небу на колеснице и в сумерки спускалось в океан. Когда оно появлялось вновь на горизонте, лучи его света разгоняли духов мрака, а это создавало впечатление, что его свет приносит жизнь. Параллельно возник культ Луны, которая путешествовала по небу на биге, запряженной белыми быками»³⁹. Это согласуется с археологическими данными: на рельефе из долины Свата (Пакистан) представлен бог Митра в лучистом нимбе с железом в руке и в обрамлении лучистой розетки — солнца⁴⁰, подобной тем, которые во множестве встречаются в сарматских аристократических захоронениях Северного Кавказа (см. выше). Изображение головы Митры в лучистом нимбе можно сопоставить с изображением на анапской пластине, а последнюю — с замечательным эллинистическим серебряным медальоном из раскопок Ай-Ханума (Афганистан)⁴¹, на котором запечатлены Кибела и Аттис в колеснице, запряженной парой львов, подвезжающих к фигуре, очевидно, божества или обожествленного правителя, совершающего акт либации. Над всей композицией в небе голова Митры в лучистой сияющей короне, а рядом изображение звезды (солнца и полумесяца, точь-в-точь как на нашей пластине. Последнее не оставляет сомнения в том, что на горгишпийской пластине, как, впрочем, и на фаларах из Федулковского клада и ст. Старо-Титаровской, а также, вероятно, на указанных выше медных монетах с монограммами ВАЕ и ВАМ, запечатлен образ Гелиоса-Митры с некоторыми чертами Ахуро-Мазды, синкретического греко-иранского божества. Продолговатый предмет, который бог на анапской пластине держит в правой руке, по всей видимости, — кнут Гелиоса⁴² или жезл Митры. Впрочем, из-за схематичности изображения с уверенностью судить об этом трудно. С культом Гелиоса-Митры или Ахуро-Мазды могут быть связаны курьезицы в виде головы быка типа найденных в Пантикапее и в «доме Хрисалиска» (см. выше).

Предложенная идентификация божества на пластине из Горгишпии подтверждается следующим. Среди статуй и рельефов святилищ, сооруженных Антиохом III Коммагенским на западной и восточной террасе погребального комплекса в Нимруд-Даге, мы встречаем изображение знатного перса в характерной *чара орди*, украшенной звездами или солнцами, как тиара бюста царицы Боспора Динамии⁴³, а также фигуру льва, покрытую знаками солнца с полумесяцем под шеей⁴⁴. Известно, что обычно лев выступает на памятниках в качестве солярного символа, прославляющего могущество и величие властителя, а украшенный солнцами он еще более подчеркивает «исключительность царской власти»⁴⁵. На одной из ранних серий боспорских монет с ВАЕ помещено изображение льва с восьмиконечной звездой или солнцем, семантика которого перекликается с изображением на коммагенском рельефе⁴⁶. Вообще на монетах с мо-

же. Копь в религии и искусстве саков и скифов.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 100.

³⁹ Cumont F. Les mysteres de Mithra. Bruxelles, 1902, p. 99.

⁴⁰ Agrawala R. S., Taddei M. An Interesting Relief from the Swat Valley.— East and West, N. S., v. 16, №1—2, 1966, p. 87 f., fig. 4.

⁴¹ Bernard P. Ai-Khanoum: une cite hellénistique en Afganistan.— Encyclopaedia Universalis. P., p. 139.

⁴² Невзоров О. Я. Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР.— ВДИ, 1979, № 1, с. 97, № 34.

⁴³ Schlumberger D. L'orient hellénisé. P., 1970, p. 45 suiv., fig. 19; Ростовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— Древности, XXV, 1914, с. 1—4.

⁴⁴ Humann K., Puchstein O. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. В. I, Тl. 1. В., 1890, S. 329 f.; Schlumberger. Op. cit., p. 48, fig. 20.

⁴⁵ Об этом см. Schlumberger. Op. cit., p. 47 suiv.; Ростовцев. Бронзовый бюст..., с. 7.

⁴⁶ Зограф. Ук. соч., табл. XLIV, 18.

нограммами ВАЕ, ВАМ, которые чеканены после смерти Динамии в 12 г. до н. э. и относятся, вероятно, к началу правления Аспурга, не получившего еще титула царя (см. выше), постоянно встречаются изображения солярных богов или их атрибуты: Зевс-Аммон, Серапис, Гелиос-Митра, Аполлон, Персей и т. п. Подобные сюжеты имели ярко выраженную династическую направленность — стремление подчеркнуть божественную сущность власти Митридата VI и его преемников⁴⁷. Солнечный бог, одинаково популярный в греческих городах и среди варварского ираноязычного населения, воспринимался как носитель высшей справедливости, обеспечивавший порядок и незыблемость обязательств⁴⁸. Это объясняет причину заимствования Митридатом VI и его преемниками звезды (Солнца) и полумесяца в качестве эмблемы, поскольку она, как мы убедились, тесно переплеталась с астрально-солярной символикой. Особенно близко к сердцу эти идеи воспринимались местными племенами, которые почитали иранских солярных богов.

Предложенную идентификацию божества на анапской пластине можно вновь подтвердить ссылкой на культовый комплекс в Нимруд-Даге. В надписи на мавзолее Антиох III называет Зевса-Ормузда (Ахуро-Мазду), Аполлона-Митру-Гелиоса-Гермеса, Артана-Геракла-Ареса, что, по мнению исследователей, является отражением синкретизма греческих и иранских богов⁴⁹. Вообще в Греции довольно рано начали сопоставлять Гелиоса с Митрой. Это доказывает, что греко-иранское население Боспора на рубеже нашей эры также могло отождествлять этих богов.

Ф. Кюмон отмечал, что солярный культ был связан не только с Митрой, но и с Адонисом, Паном, Озирисом, Меном, Белом (Баалом), Сабазием, Аттисом и другими богами. Солярное божество, как правило, носило корону из лучей солнца и лунный месяц, что свидетельствовало о небесном могуществе. Аналогичные мотивы проникали на рубеже нашей эры в Северное Причерноморье⁵⁰. Отсюда следует, что изображения Луны и Солнца на монетах Боспора и золотой пластине из Анапы, а также солнечного нимба на сарматских фаларах могут отражать представление о могуществе и всеисильности богов. А если учесть, что облику Гелиоса на монетах с монограммами ВАЕ и ВАМ, как отмечали исследователи, приданы черты Митридата VI, то можно смело говорить о попытке обожевления династии этого царя на Боспоре.

Интерес вызывает расположение изображений Солнца и Луны на пластине. Они помещены над головой Митры-Гелиоса, так что лучи от его короны упираются прямо в эти знаки. Подобная композиция представляется неслучайной. Аналогичное расположение астрально-солярных символов мы видим на надгробном рельефе из Аргоса: голову женщины, вероятно умершей, украшает полумесяц с Солнцем, а со всех сторон помещены астральные и зодиакальные знаки. Изображения Солнца и Луны на надгробных памятниках по всей территории Римской империи, как показал Ф. Кюмон, были связаны с заимствованными еще с Востока представлениями о связи Луны и Солнца с потусторонней жизнью, бессмертием души и, как следствие, обожевлением умершего⁵¹. Таково, без сомнения, значение солярной символики над головой женщины на аргосском рельефе.

⁴⁷ Брабич В. М. Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. — НЭ, II, 1960, с. 44 сл.

⁴⁸ Cumont F. Il Sole vindico dei delitti e il simbolo dei mani alsate. — *Memorie della Pontifica Acad. Romana di archeologia*, seria III, v. 1, 1923, p. 65; Максимова М. И. Надгробие из Херсонеса. — СА, XIX, 1954, с. 229.

⁴⁹ Об этом подробнее см.: Duchesne-Guillemin. *Op. cit.*, p. 254 и указанную там литературу; Wüst. *Op. cit.*, Sp. 2136; Schlumberger. *Op. cit.*, p. 47 suiv.

⁵⁰ Cumont F. *Les religions orientales dans le paganisme romain*. P., 1906, p. 85 suiv.; Kobylina M. M. *Divinités orientales sur le littoral nord de la Mer Noire*. Leiden, 1976, p. 14 suiv.

⁵¹ Cumont F. *Recherches sur le symbolisme funéraire des romains*. P., 1942, p. 180 suiv., 201 suiv., 242, fig. 62.

Расположение знаков на анапской пластине и фигуру бога уместно поставить в связь с изображениями сасанидских властителей Ирана и некоторых хорезмийских царей на монетах, печатях и предметах торевтики. Отличительная их особенность — полумесяц и звезда (или диск Солнца в виде шара), которые увенчивают кулахи (короны) владык⁵². Подобная традиция древняя, она прослеживается в нумизматике Парса (II в. до н. э.), ряде парфянских портретов, в частности Фраата IV (конец I в. н. э.), а в основе восходит к ахеменидским временам⁵³. К. Эрдманн в работе о сасанидских коронах отмечает, что подобная символика отражает поклонение основным божествам зороастрийского пантеона Ахура-Мазде, Митре и Анахите⁵⁴, а также попытку обожествить носителя такой короны. Ведь не надо забывать, что многие сасанидские цари провозглашали себя «поклоняющимися Мазде владыками», что нашло отражение в соответствующих изображениях в сцене инвеституры, когда Ахура-Мазда или Митра как покровители власти шахиншахов вручали им инсигнии власти⁵⁵. В науке уже высказывалось мнение о совпадении схемы построения сасанидских инвеститурных рельефов и сцен, украшающих отдельные памятники из южнорусских курганов. Это дало возможность даже искать прародину сасанидских рельефов в степях юга России⁵⁶. Такое взаимовлияние не отрицается и сейчас, но высказывается мысль о вероятной посреднической роли здесь парфян⁵⁷. Как бы то ни было, это подтверждает предложенную идентификацию божества на анапской пластине и говорит о сугубо иранской основе всего изображения. В связи со всем вышеуказанным мы склонны полагать, что на этой пластине запечатлена сцена обожествления властителя, очевидно, выходца из среды аспургиан, который претендовал на власть над всем Боспором. Ввиду того, что пластина эта теснейшим образом связана с монетами серии ВАЕ и ВАМ, чеканенных Аспургом, стремившимся любой ценой получить престол и титул царя, не исключено, что в образе Митры-Гелиоса мы видим именно этого повелителя.

В этом убеждают следующие обстоятельства общего характера. Мы, конечно, понимаем всю условность иконографического сближения, но портретные черты Аспурга на монетах и лик Гелиоса-Митры на пластине очень близки: те же широкие черты лица, пухлые щеки и длинные локоны, выдающие полуварварское происхождение. Но более существенно, что пластина происходит из Горгииппии, города, в окрестностях которого жили аспургиане (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29). Этот город имел при Аспурге очень привилегированное положение, как о том свидетельствуют два рескрипта царя; из одного из них, между прочим, можно понять, что горожане оставались на стороне Аспурга, когда он совершал путешествие в Рим к императору, в то время как другие города высказали ему нерасположение⁵⁸. В первые годы правления Аспурга существовала серьезная оппозиция его власти, связанная, очевидно, с притязаниями других претендентов на престол и недовольством широких торгово-ремесленных

⁵² Ghirshman R. Iran, parthes et Sassanides. P., 1962, p. 248—251, fig. 314—329; Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 28 сл.; он же. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, с. 155, 162; он же. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 116 сл.; Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 28 сл.; Göbl R. Der sassanidische Siegelkanon. Braunschweig, 1973, Taf. 5—7.

⁵³ Луконин. Иран..., с. 29; Вайнберг. Ук. соч., с. 28.

⁵⁴ Erdmann K. Die Entwicklung der sassanidischen Krone.— Ars Islamica, XV, 1951; Луконин. Культура Сасанидского Ирана, с. 155.

⁵⁵ Frye B. The Heritage of Persia. L., 1963, p. 236 f.; Луконин. Культура Сасанидского Ирана, с. 147 сл.

⁵⁶ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 49, 1913, с. 1—3; Ghirshman. Iran, parthes et Sassanides, p. 133 suiv.

⁵⁷ Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 85.

⁵⁸ Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2, с. 201—204; она же. Аспург и Боспор.— СА, 1965, № 3, с. 28—30, 36.

слоев городов. В подобной ситуации Аспургу было необходимо официально ввести культ божественного правителя по примеру своего прадеда Митридата VI Евпатора. Это позволило бы ему предстать законным наследником престола, обеспечило бы поддержку как варварского, так и эллинского населения государства. Естественно, для этих целей более всего подходил культ солнечного бога, поскольку он перекликался с традициями Митридата VI, остававшимися еще популярными на Боспоре. Горгиппийцы могли сыграть при этом особую роль, тем более что почитание ими Гелиоса имело важное значение, как о том свидетельствует их серебряная драхма конца II в. до н. э. с ликом этого божества⁵⁹. Проявляя расположение к власти Аспурга, Горгиппия могла стать инициатором установления культа обожествленного правителя, ставшего вскоре популярным по всему царству. Как отмечал В. Д. Блаватский, Аспургу, обожествленному властителю, посвящали храмы в различных городах Боспора. Остатки одного из них были обнаружены при раскопках Пантикалея⁶⁰. О том, что Горгиппия пользовалась особым покровительством царя, свидетельствуют изображения на местной черепице характерного именованного тамгообразного знака Аспурга, встречающегося только на его монетах и дойцах мисок из раскопок укрепленного поселения у с. Владимировки, входившего, несомненно, в систему обороны территории, подвластной аспургианам⁶¹. Все эти факты убеждают нас в существовании культа Аспурга, которого в Горгиппии и прилегающих к ней местностях, заселенных аспургианами, а возможно, и в других районах царства отождествляли с Гелиосом-Митрой или Зевсом-Ахуро-Маздой. Подобное обожествление было в духе премирников Митридата VI и Фарнака, использовавших в своих целях противоположность интересов эллинского населения городов и варварского ираноязычного населения степей. Оно свидетельствует также о синкретизме греческой и местной религий, начавшемся в позднеэллинистический период и углубившемся в правление понтийской династии Митридатидов.

Таким образом, золотая пластина из Анапы представляет собой важный источник по истории Боспора рубежа нашей эры. Она свидетельствует о культе обожествленного правителя Аспурга, которого представляли в образе Митры-Гелиоса. В своей политике Аспург придерживался митридатских традиций, пытаясь опираться как на местные племена, так и на эллинские города царства.

A GOLD PLAQUE FROM GORGIPPIA

S. Yu. Saprykin

On this plaque is a representation of the sun god in his chariot drawn by four horses and over his head the moon and a six-rayed star, the sun. The plaque is dated in the last century B. C. or 1st A. D. Iconographically it belongs to the group of monuments associated with the Aspurgiani and apparently reproduces the image of Helios-Mithras with perhaps some features of Ahuramazda. The position of the solar symbols over the head suggests a deification, probably of one of the successors of Mithridates VI Eupator, since these symbols were the dynastic emblem of the Achaemenids, forerunners of the Pontic king. The association of the plaque with monuments of the Iranian-speaking Aspurgiani, and especially with a group of coins from the time of the queen Dynamis and Aspurgus, allows the inference that the figure represented on our plaque is Aspurgus in the role of sun god as the incarnation of justice. This would accord with Mithridatic traditions of the Bosporean kings, successors of the great Mithridates.

⁵⁹ Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, V, 1892, № 51; Шелов. Ук. соч., табл. IX, 115.

⁶⁰ Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикалея.— СА, XVII, 1953, с. 176; Блаватская. Рескрипты..., с. 208.

⁶¹ Цветаева Г. А. Кирлич с тамгой из Горгиппии.— КСИА, вып. 143, 1975, с. 100; Онайко Н. А. Раскопки античного поселения у с. Владимировки. — АО за 1977 г. М., 1978, с. 135; Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новоросси́йска.— КСИА, вып. 168, 1981, с. 93—99; Фролова. О времени правления Динамии, с. 54; ср. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, с. 58, 68.